

"Сестренка, ты сказала не слишком грубо!"

Очевидно, что Лиз была не в состоянии достаточно себя контролировать.

Наушники и мультфильм никак не могли блокировать ее громкий голос, наполненный гневом. Черт, она была уверена, что весь этаж, должно быть, слышал их.

Тем не менее, Лиз было все равно. Клэри почувствовала такой шок, когда услышала обо всем, что случилось, что ей стало интересно, действительно ли это ее обычно крутой друг, который попал в столько неприятностей.

По словам адвоката, с которым она разговаривала в самолете из Сиэтла в Нью-Йорк, все репортеры одновременно подавали на него в суд, и если бы не тот факт, что сейчас он представлен самым главным юридическим институтом страны, то, возможно, ему грозила бы долгая тюрьма.

Это ее ужаснуло. Люк был практически членом семьи, и просто мысль о том, что он проходит через такие ужасные вещи, была страшной.

Поэтому она без колебаний закричала, хотя знала, что он сделал это для нее.

В ее глазах появились слезы, как она представляла себе худший случай, в то время как в комнате царила тишина, после того как Дерек заговорил.

Клэри знала, что она не может позволить маленькому ребенку увидеть ее плач, так как он тоже будет плакать в ответ.

К счастью, она повернулась к Люку, и Дерек был позади нее.

С другой стороны, Люк невольно смотрел на Клэри с невообразимым выражением лица, которое она не могла понять.

Приложив все усилия, чтобы контролировать себя, Лиз тайком вытерла глаза и расчесала волосы, прежде чем вернуться к Дереку и сказать: "Отлично, жвачка". Я немного увлекся. Теперь, клянусь, я не буду кричать на него. Вот."

Когда малыш кивнул с улыбкой, она положила обратно наушники и подошла близко к кровати Люка.

Видя, как Клэри потянулась за его руку, Люк улыбнулся и протянул ее, подумав, что хочет ее сжать.

Однако классическая Лиз вернулась, когда она, используя свое тело, заблокировала зрение руки и согнула палец, заставив его нежно пожелтеть.

Видя его боль, Лиз собиралась остановить, но она продолжала, зная, что иногда, это был единственный способ, что этот упрямый парень слушал ее слова.

Сгибая палец все больше и больше назад, имея в виду, чтобы не причинить слишком много боли, Лиз говорила с энтузиазмом, подчеркивая каждое слово ясно.

"Слушай сюда, Лукас Джерримандер". Я скажу это только один раз. Я знаю, что тебе больно, но я также знаю, что ты слушаешь только в этом состоянии. Мне не нужно, чтобы ты сражался в моих битвах. Мне не нужно, чтобы ты защищал мою честь. Могу себе представить, как они

меня называли, но поверь мне, ты ничего не добьешься, если будешь в бешенстве. Их всех засудят в небытие, так что не волнуйся о мести. Черт возьми, Люк, ты уже знал это заранее! Как ты мог до сих пор..."

В конце концов, голос Лиз начал ломаться, и слезы опять попали в ее глаза, когда она отпустила его руку.

Обычно она не была такой женщиной, которая сломалась во всем, но сейчас она ничего не могла с собой поделать.

Она просто была очень сильно натянута на всё, что происходило, и она даже не спала 30 часов.

Люк практически просто попал под перекрестный огонь, и его жизнь могла почти закончиться из-за этого.

Она знала, что никогда не сможет простить себя, если случится что-то продолжительное.

Именно такие мысли привели ее к тому, что она снова заплакала, но вдруг она почувствовала, что ее обняли две сильные руки.

Эти руки поднимали ее вверх, когда она падала снова и снова, когда она росла, и они всегда прикрывали ее спину.

Двое детей, вместе, одни против всего мира.

Это были они, и их связь была чем-то, что нельзя было даже описать.

Объятия вызвали всплеск эмоций, от возмущения тем, что на нее навесили ярлык того, чем она не была, и от страха перед тем, что что-то случится с ее семьей.

Обняв Люка крепко, она начала рыдать, стараясь не двигаться слишком сильно и не издавать слишком много звуков, чтобы не предупредить маленького ребенка.

Люку даже не нужно было ничего говорить. Он просто дал ей поплакать.

Когда через несколько минут интенсивность ее рыданий снизилась, он просто прошептал ей на ухо: "Я знаю, что был импульсивным, простите". Я прослежу, чтобы это больше не повторилось".

Выглядело так, как будто он хотел сказать больше, но он остановился, зная, что сейчас не время.

Нельзя тыкать раненого льва, и Лиз была именно такой, какой она была сейчас - лев, которому было больно, потому что он слишком заботился о своих детенышей.

Это именно то, что она должна была услышать в это время, поэтому, увидев, как она улыбается ему и кивает перед тем, как вытереть слезы, Люк почувствовал себя счастливым, что он принял правильное решение.

"Я вернусь после того, как немного освежусь дома". Почему они держат тебя здесь? Ты выглядишь достаточно здоровым, чтобы вернуться домой."

"Наверное, потому что, когда 10 человек бьют тебя одновременно, ты не видишь, кто откуда

тебя бьет. И... один из них мог воспользоваться мусорным баком, лежащим поблизости."

Услышав это, пламя ярости снова зажгло лицо Лиз перед тем, как она взяла себя в руки и кивнула ему перед тем, как уехать с Дерекком.

Клэри разозлилась, но ничего не могла поделать с ситуацией, кроме как подать на них в суд и подождать, и это ее раздражало.

Мямля перед собой, она не заметила, что в вестибюле ее ждал кто-то знакомый.

Только после того, как она услышала его голос, она поняла, кто это был.

"Доктор сказал мне, что с ним все будет в порядке, мисс. Лиз. А теперь, я бы хотела тебя кое для чего одолжить. Это нормально? Твоих мать и брата сопровождают домой мои охранники".

Посмотрев вверх, она увидела гендиректора, которого ушла в спешке, даже не поблагодарив его после того, как он сделал то самое публичное заявление о ней.

"Что значит "одолжить"? - спросила она, прежде чем услышать ответ и в шоковом состоянии опустить челюсть, задаваясь вопросом, удалось ли генеральному директору прочитать ее мысли.

"О, ничего. Я подумал, что ты захочешь нанести... визит 10 репортерам, которые избили твоего друга. Сюрпризный визит".

<http://tl.rulate.ru/book/20693/1013336>